

Е. В. Тарле

Сочинения в 12 томах

Том 12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. В. Тарле**
Сочинения в 12 томах: Том 12 / Е. В. Тарле – М.: Книга по Требованию, 2016. – 534 с.

ISBN 978-5-519-48671-2

В настоящий том включены публицистические и историко-политические статьи, рецензии на различные издания, воспоминания о некоторых советских ученых, а также небольшие этюды, посвященные гениям русской поэзии — Пушкину и Лермонтову. Эти работы относятся к периоду Великой Отечественной войны Советского Союза и к первому десятилетию послевоенного периода (до смерти автора - 1955 г.). В этот же том включена работа «Русский флот и внешняя политика Петра I». По научному замыслу, историческому содержанию и общему направлению она в известной степени примыкает к посмертно изданному исследованию — «Шведская война». Наконец, в этот том включены и две неопубликованные работы — «„Наполеон" Стендаля» и «Бородино». В связи с приближающейся 150-й годовщиной Бородинского сражения работа «Бородино», написанная ярко и увлекательно, мы полагаем, будет встречена читателем с интересом.

ISBN 978-5-519-48671-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

другие свободолюбивые народы заинтересованы в скорейшем создании в Западной Европе второго фронта против гитлеровской Германии. Советский ученый с горячей публицистической страстью не раз обращался к общественному мнению всех стран и народов — участников антигитлеровской коалиции — с призывом бороться за создание второго фронта в Европе для достижения великой цели — скорейшего разгрома фашистской Германии и ее военно-политических сателлитов.

Историческая победа Советской Армии на Волге, освобождение Ленинграда от блокады, освобождение Франции от немецко-фашистской оккупации, падение Берлина и окончательный крах «третьей империи» под ударами Советской Армии и всей антигитлеровской коалиции — на все эти и многие другие важнейшие события Е. В. Тарле отзывался живо и темпераментно. Как историк и публицист он отдавал все свои силы, мысли и знания разъяснению и пропаганде великой исторической задачи советского народа. В этом смысле можно утверждать, что публицистика Е. В. Тарле выражает дух эпохи Великой Отечественной войны Советского Союза, а его публицистические статьи того периода в некоторой степени могут рассматриваться как исторический источник.

Но и после окончания второй мировой войны Е. В. Тарле не сложил оружие публициста.

Являясь в годы войны членом Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, Е. В. Тарле затем внимательно следил за ходом Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками и по окончании его счел своим гражданским долгом призвать правительства и народы учесть уроки истории и сделать все необходимые выводы из этого процесса и притом не только исторические, но и политические и моральные.

Не раз Е. В. Тарле выступал со статьями о всемирно-историческом значении победы Советского Союза и антигитлеровской коалиции над блоком фашистских агрессоров. Он с тревогой следил за изменениями внешнеполитического курса западных держав. Речь У. Черчилля, произнесенная в Фултопе 5 марта 1946 г., была первым открытым призывом к созданию англо-американского блока, направленного против СССР. Находясь под свежим впечатлением этого выступления, положившего начало «холодной войне», Е. В. Тарле дал ему справедливую историко-политическую оценку в статье «По поводу речи Черчилля». Теперь можно с полным правом утверждать, что все публицистические выступления Е. В. Тарле в послевоенный период, какой бы конкретной темы они ни касались, были посвящены одной цели — борьбе за всеобщий мир и безопасность народов, больших и малых, европейских и неевропейских.

Последнюю статью, написанную в дни, когда смерть уже готова была вырвать перо из его рук, Е. В. Тарле назвал «Наша дипломатия». Эта статья была опубликована посмертно...

Разумеется, публицистика Е. В. Тарле стала достойным историей. Отражая высокий патриотический порыв советского народа, и его миролюбие, она включает в себе, однако, и ряд положений, которые исторически себя не оправдали. Так, например, Е. В. Тарле порой расценивал Западную Германию как колонию американского империализма. Однако последующее развитие показало, что Западная Германия сама превратилась в империалистическое государство, наиболее влиятельное среди европейских участников НАТО, и по мере возрождения германского империализма стала занимать все более видное место в политике экспансии и неоколониализма в отношении стран Азии и в особенности Африки.

В исторических статьях Е. В. Тарле имеется ряд положений и оценок, с которыми трудно согласиться. Давая резко отрицательную характеристику Шамилю и возглавлявшемуся им движению, Е. В. Тарле необоснованно игнорирует национально-освободительный характер народного движения против царизма. Известно, что основоположники марксизма давали этому движению совершенно другую оценку.

Читатель не может не заметить и противоречия, имеющегося в рецензиях на издание дневника Д. А. Милюткина, военного министра в период царствования Александра II. Противопоставляя Милюткина как военного министра, военного писателя и дипломата Милютину — стороннику решительных мер царизма, направленных к удушению революционного движения в стране, Е. В. Тарле пишет: «Впечатление такое, как будто умного, серьезного, вдумчивого человека... подменили какой-то совсем иной индивидуальностью»³. Между тем никаких оснований для такого противопоставления, конечно, нет. И в области внутренней и в области внешней политики Милютин оставался либеральным бюрократом, «доверенным другом царя», стремившимся отдать свой опыт и большие знания делу укрепления военного механизма реакционного самодержавия.

Е. В. Тарле — историк яркий, сложный, прошедший большую творческую жизнь. И как бы ни расценивать отдельные его работы и общее направление его научной и публицистической деятельности, завершаемое ныне 12-томное издание его сочинений показывает, какое большое место занимает Е. В. Тарле в развитии исторической науки.

А. Ерусалимский

³ См. настоящий том, стр. 327.

СТАТЬИ
И РЕЦЕНЗИИ
1941 - 1955 гг.

НАЧАЛО КОНЦА

Нападение фашистских авантюристов на Советский Союз через короткий или более продолжительный промежуток времени — этого предсказать в строгой точности нельзя — непременно окажется историческим вступлением к полной ликвидации преступной шайки, столько лет уже позорящей человечество самым фактом своего существования.

Карикатурный образ пигмея, тянущегося за гигантом, не должен заставить нас забыть об очень правильном замечании, которое пришлось встретить в радикальной английской прессе весной 1941 г.: если немецкая «третья империя» является пародией на империю Наполеона, если «завоевания» Гитлера какие-то не «настоящие», а «поддельные», если они, по словам цитируемого английского публициста, еще гораздо менее похожи на наполеоновские завоевания, чем испорченный маргарин, которым питаются несчастные подданные Гитлера, на свежее масло, — то все-таки это не избавляет нас от обязанности выскнуть в обстоятельства, позволившие в начале второй трети XX столетия клике авантюристов поставить на мировой сцене эту пародию, разыграть этот кровавый и гнусный фарс.

Нас тут займет лишь один вопрос. Попытаемся хоть вкратце припомнить: почему так круто оборвалась великая трагедия 125 лет назад? Это нам поможет понять, почему нельзя сомневаться в недалеком уже конце и той пародии, которая разыгрывается вот уже несколько лет на наших глазах.

Мысль целого ряда поколений не переставала работать над разрешением вопроса о причинах конечной катастрофы Наполеона, быстрота которой особенно поразительна. Возьмем момент наивысшего расцвета этой всеевропейской империи — первые месяцы 1812 г.

Наполеон самодержавно царствует либо непосредственно через своих наместников и генерал-губернаторов, либо через вассальных, вполне покорных ему государей над территорией, которая

начинается у реки Немана, в Данциге, Гамбурге, Амстердаме, а кончается в Мадриде, Калабрии, Иллирии. Одного его слова достаточно, чтобы согнать любого короля с престола, стереть с политической карты любое государство европейского континента, послать свои войска для военного постоа, куда ему заблагорассудится, и держать их там, где захочет, сколько угодно времени.

Только две державы сохраняют свою самостоятельность: Англия на крайнем Западе и Россия на крайнем Востоке. Но Наполеон не сомневается, что, покорив континент, он справится с этими двумя остающимися препятствиями.

Весной 1811 г. Наполеон принимает в своем дворце Тюильри баварского генерала фон Вреде. Генерал робко и почтительно осмеливается выразить свое мнение, что, может быть, не следует придирааться к России и подготавливать нападение на нее. Наполеон повелительным жестом останавливает собеседника и отчеканивает: «Через три года я буду господином всего света!» Через три года величайшая империя, какая существовала на земле после Александра Македонского, империя Наполеона, лежала в развалинах...

Эти последние годы — время страшной, кровопролитной борьбы — были с чисто военной точки зрения порой (например, 1813—1814 гг.), по отзывам военных специалистов, таким же верхом совершенства в военном искусстве, как и прежние бесчисленные войны великого полководца. Силы к моменту начала этой финальной борьбы у Наполеона были гораздо больше, чем в любую из прежних войн, и разгадку крушения колоссальной монархии следует искать в более глубоких причинах, чем проигрыш того или иного сражения или даже той или иной войны.

В истории Наполеона был шалицо наметившийся задолго до катастрофы перелом, безмерной важности перелом, сделавший эту катастрофу неизбежной. Без понимания этого основного факта всякое объяснение крушения империи Наполеона будет лишь повторением бесчисленных мистических, романтических и идеалистических фантазий, которых уже столько было выдвинуто в историографии.

Наполеон был несокрушим, и всякая борьба против него неизменно кончалась гибелью его противников, пока он выполнял свою роль «хирурга истории», ускоряющего торжество исторических прогрессивных начал и уничтожающего огнем и мечом обветшалый и без того осужденный на слом всевропейский феодализм. Когда Маркс и Энгельс повторяли, что наполеоновские войны в известном смысле делали в странах континентальной Европы то дело, которое совершала гильотина во Франции в годы террора, они имели в виду именно эти годы разгрома Наполеоном европейских феодально-дворянских абсолютистских монархий. От этих страшных ударов европейский феодальный абсолютизм уже никогда не мог вполне оправиться. Сочувствие прогрессивно настроенных кругов европейского общества в покоряемых странах — иногда скры-

тое, а иногда очень педвузмысленно выражаемое — было в те годы Наполеону обеспечено.

Перелом, о котором только что сказано, намечался давно.

После Аустерлица его уже болезненно стали ощущать в германских странах, в Бельгии, Голландии, Италии даже те, кто еще в 1804 г. не порицал Наполеона за принятие императорского титула и кто считал, что можно играть роль освободителя народов, даже пося царственную порфиру. Но после Тильзита обманываться и утешать себя стало уже невозможно.

Наполеон уже совершенно открыто в качестве руководящего принципа выдвинул те положения, которые стал проводить в сущности с давних пор. Основная историческая порочность этого руководящего принципа заключалась ни в чем, кроме голого насилия, не оправданного, но неуклонно проводимом различии между Францией, или так называемыми «старыми департаментами», и всей остальной завоеванной Европой, которая именовалась «новыми департаментами».

Французы — привилегированная, господствующая раса, и именно только они должны в полной мере пользоваться всеми привилегиями, всеми экономическими выгодами, которые обеспечивает за ними победоносный меч великого императора. Остальные европейские народы предназначены быть данниками Франции.

Называя себя «императором Запада», стремясь к установлению своего всемирного владычества, Наполеон в то же самое время вполне сознательно стремился быть национальным французским государем, который имеет все основания беспощадно грабить всех остальных своих подданных во имя интересов французов.

«Национальный интерес для меня выше всего», — говорил он, понимая при этом под национальным интересом интересы французской буржуазии, для которой Германия, Италия, Испания, Голландия, Бельгия, Варшавское герцогство и т. д. должны были прежде всего рынками сбыта и рынками нужного сырья.

Наполеон вполне сознательно разорял те страны, которые могли бы вступить с Францией в экономическую конкуренцию, и даже не скрывал, что французы достойны исключительного покровительства не только потому, что они наиболее «верные» из всех его бесчисленных подданных, но и потому, что они как раса стоят выше всего человечества. Выражал он эту мысль с той непосредственностью и даже простодушием, которые были ему свойственны вследствие непоколебимой уверенности в непогрешимости своих основных принципов. Он, например, при исчислении военных потерь считал настоящими потерями, о которых стоит говорить, только те, которые несла французская часть его многонационального воинства.

Вот, например, как успокоительно говорил Наполеон о страшной гибели великой армии в русских снегах: «В России наши потери были значительны, но не таковы, как это воображают себе

Императорская армия насчитывала едва 140 000 человек, говорящих по-французски, и кампания 1812 года собственно старой Франции обошлась только в 50 000 человек». Он с удовлетворением отметил это и в своем знаменитом разговоре с князем Меттернихом 28 июня 1813 г. в Дрездене, когда отказался заключить с союзниками мир. Вспомнив о 1812 г., он признал, что в числе погибших «было 100 000 лучших французских солдат. О них я действительно жалею. Что касается остальных, то ведь это были итальянцы, поляки и главным образом немцы!»

При слове «немцы» император сделал пренебрежительный жест.

«Допустим,— ответил Меттерних,— по согласитесь, государь, что это не такой аргумент, который вашему величеству следует приводить, когда вы говорите с немцем».

Наполеон экономически угнетал и разорял население в покоренной Европе не только континентальной блокадой, но и железным гнетом, который он проводил именно в хозяйственной области, стремясь поставить Европу в такое положение, чтобы она не могла выбиться на дорогу самостоятельной экономической жизни. Он воспрепятствовал установке новых машин и механических станков в покоренных странах, приказывал вывозить из Италии шелк-сырец, нужный лионским фабрикантам, а итальянским шелкоделам предоставлять только те запасы, которые не нужны будут французам, сознательно препятствовал проведению в покоренной Европе нужных для торговли путей, приказал перегонять из Испании во Францию тысячи и тысячи тонкорунных меринусов, лишая испанскую промышленность тонкой шерсти, и т. д. В области, так сказать, «идеологической» он нисколько не стеснялся при каждом удобном случае указывать на то, что французы уже по праву рождения стоят неизмеримо выше прочего человечества.

После Тильзита, когда Наполеон стал быстро утрачивать понятие о границах между возможным и невозможным, он предстал окончательно перед населением покоренной Европы и именно перед тем прогрессивным классом, каким являлась тогда буржуазия, в образе уже не освободителя, а жестокого тирана, делящего людей на категорию господ и категорию рабов, причем в первой категории оказываются французы, а во второй — все остальные покоренные народы. На него стали смотреть, как на беспощадного деспота, сознательно разоряющего страны и народы, имевшие несчастье подпасть под его иго, и избавление от этой чудовищной тирании сделалось мечтой всего прогрессивного европейского человечества.

Огромный интерес представляет собой тот феномен, который можно назвать разрушением великой армии и который был теснейшим образом связан с только что указанным переломом в исторической деятельности Наполеона. Армия Наполеона была непобедимой в первые годы его царствования. Но, по мере того как в нее вливались чуждые французам элементы, менялся и дух этой

армии, исчезало прежнее ее монолитное единство, которое делало ее таким несравненным орудием в руках вождя. Былая непобедимость наполеоновской армии стала исчезать еще задолго до 1812 г. Не считаясь абсолютно ни с чем, Наполеон гнал на Россию не только солдат всей разноплеменной покоренной им Европы, но даже испанцев из захваченной им части Пиренейского полуострова, хотя испанский народ вовсе еще не мог считаться покоренным и продолжал оказывать завоевателю ни на день не прекращавшееся яростное сопротивление.

В одной из моих работ отмечено возмущение приведенного Наполеоном в Россию испанского отряда, который собирался перебить французских офицеров и объявил, что сражаться против русских не желает. Ровно 50% этого отряда было расстреляно на месте по приговору военно-полевого суда. Но очень легко себе представить, усердно ли сражалась против русских другая, уцелевшая половина отряда.

Биться за чужое дело, за угнетателя и разорителя родины, понимая, что каждая его победа все более закрепляет цепи рабства, наложенные им на всю Европу, оказывалось выше сил человеческих. Это разложение некогда неубедимой армии бросалось в глаза всем сподвижникам Наполеона задолго до того, как насилием пригнанные им на лейпцигское кровавое поле саксонцы вдруг, в разгар боя, полностью перешли на сторону враждебной Наполеону коалиции, повернули немедленно свои пушки в обратную сторону и начали расстреливать в упор французов.

Непобедимость французской армии исчезла, таким образом, именно тогда, когда Наполеон отвернулся от завершения того прогрессивного исторического задания, которое он выполнял, когда распался ореол борца против феодальной реакции и когда все приобретенное им безмерное могущество стало служить не только реакционным, но и, по существу, совсем невыполнимым задачам: превращению французов в господствующий народ, а всяких иноплеменников — в бесправные и бессловесные объекты, в рабочий, вьючный скот.

И при этом нужно еще заметить, что разложение армии долго сдерживалось некоторыми исключительными условиями, в которых протекали эти последние годы наполеоновского владычества:

1) армия, если не считать 1812 г., жила и воевала в материально удовлетворительных условиях, и в 1813, 1814 и 1815 гг. наполеоновские солдаты имели вдоволь мяса, масла, сала, хлеба, вина;

2) командовал этой армией первый военный гений всемирной истории;

3) вражеское командование даже отдаленно не могло после смерти Кутузова ни в 1813, ни в 1814, ни в 1815 г. соперничать с Наполеоном в военном искусстве;

4) в течение всей этой отчаянной борьбы Франция («старые департаменты») была совершенно покорна Наполеону и француз-

ский тыл делал все от него зависящее, чтобы поддержать фронт.

Другими словами, сошлись такие обстоятельства, благоприятные для завоевателя в период его финальной борьбы, которые решительно никогда в истории в подобных случаях не повторялись в прошлом и не могут повториться в будущем.

И это еще не все. Было налицо еще одно историческое обстоятельство, также неповторимое: ведь не забудем, что, по условиям общественного развития в его тогдашней стадии, освободительную борьбу против Наполеона возглавили те самые представители старой, феодальной абсолютистской Европы, от которых освобождающаяся Европа не могла ждать какого-либо нового слова и прогрессивного устремления.

«Наполеон подразнил другие народы до дикого бешенства отпора, и они стали отчаянно драться... На этот раз военный деспотизм был побежден феодальным», — сказал Герцен. Следовательно, благоприятным для Наполеона обстоятельством было и то, что возглавлявшие борьбу против него государственные люди не могли противопоставить ему никакой самостоятельной прогрессивной идеологии.

И, несмотря на все эти благоприятные условия, Наполеон все-таки не мог не погибнуть. Все указанные благоприятные условия могли только сдерживать, отсрочить его гибель, так же как сдержали его гибель финансовые средства, имевшиеся до последнего момента в его распоряжении, платеж полноценной золотой монетой за провиант и за все, что французские военные власти покупали для армии в 1813 г. у населения. Не помогла и та «сытость» крестьянского населения Франции, Западной и Центральной Германии и Бельгии, которая так обращала на себя внимание союзников, двигавшихся за отступающим Наполеоном в глубь его империи.

Всех этих условий оказалось достаточно только для того, чтобы продлить наполеоновское сопротивление, но не предотвратить распад и гибель империи. Полное презрение и к материальным интересам и к человеческому достоинству покоренных народов, деление на овец и козлиц, деление людей на расу господ и расу рабов разложило армию, как оно разложило и самый фундамент построенного Наполеоном грандиозного политического сооружения.

И следует признать справедливым воззрения тех историков, которые говорят, что удивительно не падение наполеоновской деспотии, а необычайная продолжительность ее агонии. Эта продолжительность объясняется прежде всего только что перечисленными благоприятными для Наполеона условиями, в которых протекала его последняя борьба.

«Единственная революция, которая в самом деле страшна, — говорил Наполеон, — это революция, происходящая от пустого